

Сафонов Тимофей Владимирович

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ДЕРПТСКОЕ СТУДЕНЧЕСТВО В 1820–1830-е гг.

В первой трети XIX в. Дерптский университет занимал лидирующие позиции среди университетов Российской империи, как по численности студентов, так и по качеству образования. Именно высокий уровень преподавания в Дерптском университете послужил причиной организации в нем «Профессорского института» для подготовки лучших выпускников российских университетов к обучению за границей. Фактически с 1827 г. по 1839 г. институт выполнял функцию своеобразного «моста», промежуточной ступени между российскими и западноевропейскими университетами, способствовал научному обмену российских ученых с Германией [5, с. 67–70].

Что касается численности студентов, то эти данные хорошо видны на основании исследований Ф. А. Петрова (См. Таблица 1). Из содержания таблицы следует, что по численности студентов в 30-е гг. XIX в. Дерптский университет уступал лишь Московскому, а в 1834–1836 гг. занимал лидирующие позиции. Необходимо отметить, что российский исследователь Ф. А. Петров не занимался подсчетом численности учащихся Виленского университета, который был упразднен Николаем I в 1832 г. из-за участия студентов и преподавателей в восстании 1830–1831 гг. Именно Виленский университет в 1820-х – начале 1830-х гг. являлся безусловным лидером по численности учащихся. К 1830 г. в нем обучалось уже 1300 человек, в том числе на медицинском отделении – около 400 студентов [3, с. 145].

Таблица 1. Численность студентов российских университетов по годам (1831–1839) [5, с. 373].

Университет	1831	1832	1833	1834	1835	1836	1837	1838	1839
Московский	814	719	541	456	419	441	611	673	798
Дерптский	592	585	539	524	567	536	563	530	525
Харьковский	313	369	339	389	348	332	315	383	391
Санкт-Петербургский	236	219	206	230	200	299	385	389	400
Казанский	146	181	209	238	252	191	170	208	225
Св. Владимира	—	—	—	62	120	203	263	267	125

Повседневную жизнь дерптских студентов описал наш земляк, уроженец Минщины, Ф. В. Булгарин. Фаддей Венедиктович Булгарин (1789–1859) – известный писатель, издатель и профессиональный журналист, который основал первую в Российской империи частную газету «Северная пчела». Во второй четверти XIX в. он также стал известен как разноплановый писатель, автор романов и фантастических очерков. Со второй половины 1820-х гг. Булгарин со-

трудничал с III Отделением Собственной его императорского величества канцелярии. Весной 1827 г. журналист посетил Дерпт и докладывал в ведомство А. Х. Бенкендорфа о полной политической благонадежности профессоров и студентов университета. Булгарин уверял, что студенты «смирны, как овцы», живут скромно и прилежно посещают лекции. Автор подчеркивал, что Дерптский «буршеншафт» (студенческий союз) ранее был замечен «в удалстве и молодечестве, дуэлях, непослушании полицейским и городским властям», однако этот «беспорядок вещей» ликвидирован попечителем учебного округа князем К. А. Ливеном [1, с. 188–189].

Однако очень скоро известный журналист изменил свое мнение о дерптских студентах. В 1828 г. Ф. В. Булгарин купил имение Карлово около Дерпта, владельцем которого был более тридцати лет. Иногда он держал у себя в качестве квартирантов студентов. Эстонская исследовательница М. Салупере нашла правила, которые Булгарин предложил подписать братьям Прокофьевым и А. Самойлову из Петербурга. Содержание документа красноречиво рассказывает об образе жизни квартирантов. Хозяин дома запрещал им стрелять в комнатах, во дворе, в сарае и гумне; лазить через окна, ходить с трубками по двору «из опасения пожара» [7]. Студенты обиделись, Прокофьевы ушли на другую квартиру [7].

Булгарин сдавал комнаты детям своих приятелей, его квартиранты были из внутренних губерний Российской империи. Возможно, только русским студентам приходилось запрещать стрелять в комнатах и лазить в окна, а местная молодежь вела себя иначе?

Студенты из России составляли меньшинство среди тех, кто учился в университете. В 1827 г. Булгарин сообщал, что русских студентов в Дерпте 10 человек. По спискам 1835 г. студентов православного вероисповедания в университете было 33 человека или 5,8% от общего количества учащихся [5, с. 375]. Таким образом, русские студенты составляли явное меньшинство и не могли влиять на общую атмосферу, царившую в студенческой среде. Скорее всего, они подстраивались под сложившиеся правила. Об этом свидетельствуют письма братьям русского поэта Н. М. Языкова.

Н. М. Языков приехал в Дерпт в 1822 г. и был одним из первых русских студентов в университете. С одной стороны, он с восторгом отзывался о работе местных профессоров. Особенно его восхищали лекции профессора истории Иоганна Филиппа Густав фон Эверса, который читал «просто, ясно и необыкновенно выразительно» [9, с. 88]. С другой стороны, его быстро утомили пирушки студентов, в которых первоначально он с удовольствием участвовал и даже воспел в стихах. В 1822 г. Языков писал брату Петру, что «имел честь и обязанность» присутствовать на вечернике студентов. Они собрались около 8 часов вечера часов, «пили и ели до 2 часов утра», а потом толпой «человек более 90 пьяных, шумящих» возвращались ночью в город [9, с. 82]. Возращение в город пьяных молодых людей часто заканчивалось дракой с полицией и битьем стекол в окнах [9, с. 134–135]. Уже в 1823 г. Языков сообщал своим

братьям, как о деле очень важном, что он сумел «поставить» себя в почтительном отдалении от местных студентов. «Они меня любят, но узнали, что мне не так-то нравятся их пьяные забавы», – сообщал он [9, с. 122]. Помогла в этом русскому студенту «молва о его поэтических талантах». Ему прощали то, за что с любым другим была бы назначена дуэль, как поэту, у которого могут быть странности [9, с. 122].

В 1830-е гг. Ф. В. Булгарин не раз столкнулся со сплоченным и вызывающим поведением дерптских студентов. Например, когда дочь писателя отказалась танцевать на балу с пьяным молодым человеком, то его товарищи приняли этот отказ как оскорбление, нанесенное всей корпорации. В ответ они подстергли экипаж Булгарина, заставили его дочь выйти и вальсировать на грязной улице вокруг кареты [8, с. 359].

Весной 1832 г. во время обеда у К. фон Липгардта Булгарин позволил себе назвать фальшивомонетчиками двух курляндских студентов, причастных к подделыванию городских марок (местных кожаных платежных знаков). В ответ толпа возмущенных студентов заставила своих «обидчиков» публично извиняться, а объявление приговора по этому делу студенты «отметили», бросая камни в дом Булгарина. Окно в спальню было разбито, что сильно напугало беременную жену хозяина [7].

Современник событий А. А. Чумиков перечисляет следующие «забавы и шалости» дерптских студентов: оскорблять полицмейстера и казаков; врываться ночью в квартиры горожан под надуманным предлогом; выстраиваться у подъезда дома, в который должны были съехаться гости, встречая каждую входящую даму оскорбительными насмешками; забираться на уровень окон второго этажа и пугать жителей дома; «поколотить обывателя, не уступившего дорогу» [8, с. 358–360]. В качестве особенно острой проблемы Чумиков называл частые дуэли. В студенческих квартирах можно было найти «рапиры, палаши, эспадроны, пистолеты и прочее оружие» [8, с. 362]. Дуэли возникали по самым разным поводам. Употребление слова «дурак» считалось достаточным основанием для вызова товарища на дуэль. Иногда оружие использовалось без всякого повода. Например, в марте 1827 г. студенты из своей квартиры всадили пять пуль в стену соседнего дома и «угрожали заколоть шпагой явившегося к ним еврея» [8, с. 362].

Почему жители города терпели такое отношение со стороны студентов? Во-первых, члены университетской корпорации имели свои автономные права и не подчинялись городским властям. Руководство университета предпочитало не выносить «сор из избы». В результате студенты получали минимальные наказания. Причем одни наказания считались в студенческой среде почетными (например, заключенного в карцер студента угощали товарищи), а другие не выполнялись. В частности, исполнение такого наказания, как удаление из города, слабо контролировалось местной полицией [8, с. 360]. Даже когда в 1833 г. в университете было раскрыто тайное общество – буршеншафт, а к следствию привлекли 150 студентов, университетский суд постановил исключить только

одного из них, который ранее был уже дважды судим. Остальных участников общества лишили зимних каникул или отправили в карцер [8, с. 365–366].

Во-вторых, студенты были объединены в землячества (Landsmannschaften), члены которых действовали очень сплоченно, так что немногие горожане осмеливались вызвать их недовольство [8, с. 357]. В 1827 г. Ф. В. Булгарин называл три землячества–ландсманшафта: эстляндский, лифляндский и курляндский. Самыми «буйными» считались курляндцы, а самыми «мирными» – эстляндцы, что Булгарин объяснял близостью их родственников, которым легче было узнать «о дурном поведении» студентов» [1, с. 188]. К 1829 г. оформились корпорация польских студентов Polonia и русских Ruthenia. Основателями Ruthenia стали поэт Н. М. Языков и сын знаменитого историка и писателя А. Н. Карамзин [6, с.184].

Наконец, жители Дерпта редко решались доносить о студенческих выходках по финансовым причинам. Большинство жителей города зарабатывали средства существования, обслуживая членов университета. Доносчик наказывался опалой: студенты отказывались снимать комнаты в его доме, покупать его товары, вступать с ним в любые деловые отношения [8, с. 362].

В результате студенческие выходки часто оставались безнаказанными, что только укрепляло корпоративный дух и позволяло участникам землячества чувствовать свою силу. Студенческие организации сохраняли свое влияние в Дерптском университете на всем протяжении XIX в. О существовании корпораций и корпоративного духа в стенах университета мы узнаем из воспоминаний студентов 1890-х гг. Евгения Дегена [4] и известного писателя Викентия Вересаева [2]. В своих воспоминаниях В. В. Вересаев перечисляет уже семь дерптских землячеств. Однако сам автор был далек от корпоративного духа и «подвигов» корпорантов: кутежей, дуэлей, выражения презрения к политическим вопросам [2]. В университете становилось все больше «диких» студентов, которые предпочитали мыслить и существовать самостоятельно.

Библиографический список

1. *Булгарин, Ф.В.* Дерптский университет, в политическом отношении // Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение; публ., сост., предисл. и коммент. А. И. Рейтблата. М.: НЛЮ, 1998. С. 188–189.

2. *Вересаев, В. В.* Собр. соч. в 5 т. Т. 5. Воспоминания. Москва: Правда, 1961. 478 с. Режим доступа: <http://ruslit.traumlibrary.net/book/veresaev-ss05-05/veresaev-ss05-05.html#work001003002>. Дата доступа: 17.03.2018.

3. *Грицкевич, В. П.* С факелом Гиппократ: Из истории белорусской медицины. Минск: Наука и техника, 1987. 271 с.

4. *Деген, Е.* Воспоминания дерптского студента // Мир Божий. 1902. № 3. С. 71–105. Режим доступа: http://lastvrn.ru/wp-content/uploads/2011/04/Vospominanija_o_Derptskom_universitete_Degen.pdf Дата доступа: 09.03.2018.

5. *Петров, Ф. А.* Формирование системы университетского образования в России: в 4-х т. Т. 4. Российские университеты и люди 1840-х годов. Ч. 2: Студенчество. М.: Изд-во МГУ, 2003. 463 с.

6. *Рыжакова, С. И.* Фуксы, коммильтоны, филистры...: Очерки о студенческих корпорациях Латвии. М.: НЛО, 2015. 392 с.

7. *Салупере, М. Ф. В.* Булгарин в Лифляндии и Эстляндии // Русские в Эстонии на пороге XXI века: прошлое, настоящее, будущее. Сборник статей / Сост. В. Бойков, Н. Бассель. Таллинн: Русский исследовательский центр в Эстонии, 2000. С. 146–161. Режим доступа: http://www.russianresources.lt/archive/Bulharyn/Bulharyn_25.html. Дата доступа: 16.03.2018.

8. *Чумиков, А. А.* Летопись забав и шалостей дерптских студентов в 1803–1826 гг. // Русская старина. 1890. № 2. С. 341–370.

9. *Языков, Н. М.* Письма Н.М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822–1829) / Под ред. и с объясн. примеч. [и вступ. ст.] Е.В. Петухова. СПб.: Отделение рус. яз. и словесности Акад. наук, 1913. 502 с.

Сергеенкова Вера Васильевна

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

КЛАССИЧЕСКИЙ ЛИЦЕЙ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ В МОСКВЕ И ПОДГОТОВКА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ ОБЩЕСТВА С УНИВЕРСИТЕТСКИМ ОБРАЗОВАНИЕМ

Классический Лицей цесаревича Николая в Москве был основан по инициативе известного публициста и общественного деятеля М. Н. Каткова (от его имени получил неофициальное название – катковский) и профессора римской словесности Московского университета, журналиста и филолога, П. М. Леонтьева и на их средства (по 10 тыс. руб.), а также некоторых предпринимателей. М. Н. Катков был сторонником развития классической системы образования. Он считал, что только правильно организованные учебные заведения классического типа могут готовить хороших специалистов для службы на пользу государства в различных сферах деятельности. Лицей являлся привилегированным мужским учебным заведением. Он был задуман как образцовое учебное заведение. Через деятельность Лицея М. Н. Катков и П. М. Леонтьев старались реализовать свои взгляды о высоком уровне образования в сочетании с воспитанием у юношества гражданственности и патриотизма.

12 мая 1869 г. Государственный совет постановил учредить в Москве частный лицей в память о старшем сыне императора Александра II Николае, умершего в апреле 1865 г. от туберкулеза в Ницце. Лицей объявлялся находящимся под покровительством вел. кн. Александра Александровича, будущего императора Александра III [1, л. 1]. 12 июля 1869 г. император Александр II утвердил Устав Лицея цесаревича Николая [2, с. 721–724].